

Н.А. СОБОЛЕВА. *Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета*. М. Языки славянских культур. Знак. 2006. 488 с. (Studia historica).

Книги ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН, доктора исторических наук Н.А. Соболевой, специалиста по русской символике, неизменно вызывают повышенный интерес широкой читательской аудитории.

Актуальность данной темы более чем очевидна. Дело даже не в том, что она попадает в «main stream» новомодного направления европейской историографии — потестарной имагологии, ориентированной на изучение образов власти, способов и форм ее репрезентации во внешнем мире. Гораздо большее значение имеет реальная важность самой властной символики, понимание ее основ и глубинных, не всегда вербализированных смыслов в определении политической и культурной идентичности того метасообщества, каковым являлась в прошлом и продолжает оставаться Россия.

Дискуссионный заряд автора достигает максимума уже в первом очерке, посвященном так называемому «знаку Рюриковичей». Начиная с Н.М. Карамзина, впервые назвавшего этот самый ранний символ русской властности «трезубцем», его считали то знаком собственности потомков Рюрика, то «гербом князя Владимира», то «норманнским родовым знаменем», то навершенем скипетра скифских царей. Автор, отталкиваясь от более чем семьдесят лет назад высказанного суждения Н.П. Лихачева о тюркской тамге, как возможном прототипе «знака Рюриковичей», рассматривает его появление в контексте ориентальных политико-культурных влияний. Из них Соболева выделяет не столько тюркские, сколько иранские традиции сакральной образности, транслировавшиеся в славянские общности через хазарское посредничество. Рассуждения Соболевой корреспондируют с утверждающейся в последнее время концепцией «русского каганата»¹. Соболева воспринимает «трезубец» как сакральный, магический символ, реликт языческих верований, соответствовавший архаическим представлениям о трехчастности социального миропорядка. В этой связи уместно напомнить о наиболее архетипических представлениях о природе высшей власти государя, восходящих к римско-имперской, эллинистической и еще глубже — к шумеро-аккадской традиции, согласно которой правитель мыслился как воплощение трех богов — небесного, земного и подземной сферы. Примечательно и наблюдение автора о синхронности существования «трезубого» символа власти и титула «каган». Как только в XII в. хазарский обычай титулования русского правителя вытесняет-

ся титулом «князь», исчезает из официального обращения и «трезубец».

Справедливо замечание Н.А. Соболевой о слабой изученности средневековой русской потестарной символики периода раздробленности. До сих пор анализировались лишь ее отдельные элементы без попыток рассмотреть знаки властвования в их взаимосвязи и определенной системе. С начала XIV в. стало складываться легендарное предание о великокняжеских регалиях как дара от самих византийских императоров. В одной из версий говорилось, что вручение регалий происходило в Кафе ни кем иным, как генуэзским консулом этого крымского города. В действительности, как показали исследования современных искусствоведов², одна из самых знаменитых инсигний великого князя — «шапка Мономаха» — оказалась не византийского, а татарского происхождения.

Среди символов властности, способных репрезентировать идею державы на всем расширявшемся пространстве Руси и за ее пределами, едва ли не определяющее место занимают печати. Не удивительно, что именно им посвящены несколько очерков рецензируемой книги. Прежде всего Н.А. Соболевой решается вопрос о происхождении самого института печати. Не задерживаясь на уже рассматривавшемся «довизантийском» типе булл, автор переходит к проблеме появления воскомастичных печатей на Руси, вытеснивших металлические к концу XIV века. Обычно это изменение связывают с усиливавшимся вектором западного влияния, указывая в качестве посредника Литву. Однако, по справедливому заключению Соболевой, здесь нельзя исключать византийского обычая ставить оттиски императорского перстня на воске при скреплении простагм. Но в еще большей степени необходимо учитывать балканское влияние, основным центром которого выступала Сербия. Автором убедительно показано воздействие сербского праксиса составления грамот на древнерусское актовое производство: использование бумаги; преобладание односторонних вислых воскомастичных печатей; введение круговой легенды; изображение вооруженного всадника. Через посредничество Сербии на Русь распространялись новые западные веяния. К концу XV в. в русском искусстве печати окончательно утвердились западноевропейские образцы.

Принципиальная открытость сфрагистических памятников ко все новым и новым интерпретациям, всегда остающаяся незавершенность самого полного сигиллографического исследо-

вания с особой остротой ощущаются в сюжете, посвященном великокняжеской печати Ивана III 1497 года. Казалось бы, об этом уникальном памятнике, где впервые встречается герб русского государства, уже сказано с исчерпывающей полнотой. Ему посвящены сотни работ на самых различных языках мира. Однако, как показала Соболева, этот источник продолжает таить еще немалый ресурс нового знания. Автору удалось провести филигранный иконографический анализ печати и получить принципиально новые результаты. Возможность византийского влияния на формирование русского символа двуглавого орла была поставлена под сомнение еще Н.П. Лихачевым. Американский исследователь Г. Алеф выдвинул идею имперских амбиций Ивана III, стремившегося достигнуть равенства с императорским домом Габсбургов и потому имитировавшего его символику. Однако происхождение этого символа оказалось более сложным. Впервые двуглавая птица отыскивается в сакральных рельефах шумеров. Позднее эту эмблему использовали персы. Похожий знак орла с двумя головами встречался на монетах арабов и сельджуков. Подобное изображение использовалось и в Византии, однако оно не имело геральдического смысла. Западные европейцы познакомились с ним в ходе третьего и четвертого крестовых походов. Тогда символ двуглавого орла появился в гербах европейской знати. У Фридриха II Штауфена, короля Иерусалимского, Сицилийского и Германского, императора Священной Римской империи символом был двуглавый и даже трехглавый орел.

Н.А. Соболевой на основе сравнения иконографии орла русской печати 1497 г. и аналогичных изображений византийского, германского, итальянского и балканского происхождения удалось убедительно показать влияние итальянских традиций. Мысль об «итальянском следе» в становлении русской официальной эмблематики получила подтверждение и при анализе изображения на другой стороне печати, где помещен всадник, поражающий змея. По поводу этого образа также нет недостатка во мнениях. По мнению Соболевой, возможными резчиками печати были итальянцы Карло из Милана и Джан Антонио.

Несомненный интерес представляет очерк Н.А. Соболевой о большой государственной печати Ивана IV, где ею предлагается новая датировка. На обеих сторонах печати был изображен двуглавый орел с одной короной между головами; на груди орла на лицевой стороне помещен всадник, поражающий змея; на груди орла оборотной стороны — единорог. По кругу изображены 24 печати подвластных царю земель — по 12 с каждой стороны. Анализ этих малых печатей

и позволял историкам высказывать различные предположения о времени создания большой печати. Немецкий историк Г. Штекль, обративший внимание на малую печать Полоцка, утверждал, что большая печать могла быть изготовлена в 1563—1579 гг., когда этот город был присоединен к России в 1563 г., а затем отнят польским королем в 1579 году. Соболева проанализировала туманные печати Вендена, Риги и Ревеля. Печать невольно отразила эйфорию побед русского оружия осени 1577 г., когда она и была вырезана. На той же большой печати помещены эмблемы крайних восточных областей — «печать Обдорская» и «печать Югорская», — на которые распространялась власть русских государей еще до официального присоединения Сибири.

Не обойдена Н.А. Соболевой одна из самых мифологизированных идеологем русской политической культуры «Москва — Третий Рим». В последнее время стали настойчиво раздаваться голоса о мифическом характере этой идеи для России XVI века. Утверждается, что сочинение Филофея, монаха Псковского монастыря, с именем которого может быть связана подобная концепция, оставалось неизвестным вплоть до второй половины XIX в., вплоть до публикации в трудах Казанской духовной академии. Однако Соболева показывает, что эта идея, не имея такого емкого, доведенного до девизности словесного выражения, владела умами русской политической элиты много раньше. В частности, ею отмечается «греческий проект», обсуждавшийся в кругах русских интеллектуалов во второй половине XVIII в., который предусматривал восстановление «Древней Греческой империи» с центром в Константинополе. Внук императрицы Екатерины II, Константин, готовился в императоры. Как раз тогда распространилось эллинофильство, давшее начало русской науке о классических древностях.

Если печати и гербы как основа государственной символики имеют давнюю и плодотворную традицию изучения, то знамена, имевшие не меньшее значение в официальной политической репрезентации, принадлежат, пожалуй, к наименее освоенному объекту исторического познания. Вексиллология, особая отрасль исторической науки, ориентированная на изучение знамен, флагов, штандартов, намного моложе сфрагистики и геральдики. В этой связи заслуживает особой поддержки очерк Соболевой о русских знаменах, который содержит ценный экскурс в историю использования знаменных знаков на Древнем Востоке, в эллинистических державах, Древнем Риме, Византийской империи и средневековых государствах Западной Европы. Разбирается древнеримская и средне-

вековая терминология, применявшаяся для обозначения знамен различного типа. Сложность вексиллографического исследования состоит в отсутствии сохранившихся от отдаленного времени подлинных знамен. Их приходится изучать по древним и средневековым изображениям на рельефах, монетах и печатях, по миниатюрам средневековых манускриптов. Очень ценным источником выступает трактат Яна Длугоша «*Banderia Prutenorum*» (XV в.), где приводятся описания и изображения знамен-трофеев, доставшихся польскому королю Владиславу II Ягеллону после Грюнвальдской битвы 1410 года. К этому, пожалуй, можно добавить изображения штандартов на итальянских морских картах XIV—XV вв., отмечавших сюзеренную принадлежность тех или иных городов и портов, как на Западе, так и на Востоке.

Еще менее освещенной сферой истории властной символики предстают гимны. И этому сюжету нашлось место в книге Соболевой (гл. IV). Кроме этого, в книге присутствуют сюжеты, относящиеся к символике более поздней эпохи — XIX в., революционного, постреволюционного и постсоветского времени. Написаны они живым и

увлекательным стилем, но о них разумнее предоставить возможность высказаться специалистам по новой и современной истории.

Исследование, выполненное в соответствии с кредо междисциплинарной истории, добротное проиллюстрированное воспроизведением лучших памятников сфрагистики, геральдики и искусства, заметно продвигает вперед знание о происхождении и развитии наиболее фундаментальных символов русской государственности.

А.Г. ЕМАНОВ

Примечания

1. СЕДОВ В.В. Русский каганат IX в. — Отечественная история. 1999. № 4; КОНОВАЛОВА И.Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси. — Славяне и их соседи. М. 2001. Вып. 10; ТОЛОЧКО П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб. 2003.
2. КРАМАРОВСКИЙ М.Г. Шапка Мономаха: Византия или Восток. — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л. 1982. Вып. 47.